

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Каменный век на территории СССР. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 166, М., 1970.

Рецензируемый сборник состоит из 12 очерков, авторы которых взяли на себя нелегкий труд в сжатой форме обобщить достижения археологии в изучении каменного века на территории СССР и изложить современное состояние стоящих на повестке дня проблем. В соответствии со спецификой журнала, для которого предназначается наша рецензия, основное внимание в ней будет уделено тем вопросам, которые представляют наибольший интерес для этнографов и историков первобытного общества.

Сборник открывается статьей С. А. Семенова «Производство и функции каменных орудий», подводящей итог многолетним плодотворным исследованиям автора, который разработал новый метод изучения каменных орудий по следам работы на них. Эти и следования опровергли некоторые весьма распространенные взгляды, в том числе о производительности труда при работе каменными орудиями или о времени, требующем на их изготовление. Например, со времени Ж. Лафито бытовало мнение, что на изготовление шлифованного каменного топора уходило многие годы. Эксперимент С. А. Семенова убедительно доказал его несостоятельность. Выяснилось, что нефритовый шлифованный топор можно изготовить за 10—13 час., кремневый — за 30—35 час. и т. д.

В статье В. А. Любина «Нижний палеолит» особый интерес представляет сводка последних данных, заставляющих пересмотреть казавшиеся многим еще недавно неизменяемыми взгляды на начальную историю человечества. Такие факты, как наличие в эпоху мустье искусственных жилищ, относительной оседлости, коллективной специализированной охоты — главного источника существования, открытие производственных мастерских, охотничьих лагерей, наряду с постоянными стоянками, локальных вариантов культуры, убедительные аргументы о дифференциации мужского и женского труда и т. д., показывают, по мнению автора, неприменимость к человеческому коллективу времени ашель-мустье термина «стада».

Такой же вывод сделан А. Н. Рогачевым в статье «Палеолитические жилища и поселения». Подобные взгляды развиваются еще одним автором сборника, Г. П. Григорьевым. Это мнение вообще, кажется, сейчас преобладает среди археологов¹. Мы также согласны, что по крайней мере, для мустье термин «стадо» кажется сейчас неудачным. Поэтому возникает вопрос, что же представляло собой человеческое общество в это время? А. Н. Рогачев высказывается в пользу существования семьи и рода. В. П. Любин более осторожен — он говорит об общине, не расшифровывая, какая именно община имеется в виду, — и такой подход представляется нам наиболее соответствующим нынешнему уровню знаний, потому что о конкретной форме мустьерской общины — была ли она родовой или какой-либо иной — едва ли можно сказать сейчас что-либо определенное.

Приходится теперь заново решать и вопрос о рубеже, отделяющем человеческое общество от «человеческого стада», который раньше большинство исследователей связывало с началом верхнего палеолита, а также насколько вообще допустим термин «стадо». Отнюдь не превосходящая его решение — для этого время, по-видимому, еще не настало, — хотелось бы обратить внимание на технологический сдвиг, озаглавленный началом изготовления орудий устоявшихся традиционных форм. Возможно, за ним

¹ См. также: А. Я. Брюсов, Рец. на кн. «Происхождение человека и древнее население человечества», М., 1951, «Вестник древней истории», 1953, № 2; Д. А. Крайнов, Некоторые вопросы становления человека и человеческого общества, сб. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма», М., 1970.

скрывались и какие-то более важные социальные изменения в жизни древнейших людей. Очень интересна, хотя и далеко не во всем бесспорна, статья Г. П. Григорьева «Верхний палеолит». К числу ее достоинств принадлежит хорошая свodka верхнепалеолитических культур на территории СССР. Кроме того, в ней поднят ряд больших проблем, заслуживающих самого серьезного внимания. В частности, наверняка станет предметом дискуссии новая интерпретация верхнепалеолитических жилищ, которые Г. П. Григорьев рассматривает как составные, состоящие из одноочажных ячеек стандартных размеров и видит в этом доказательство наличия в верхнем палеолите парной семьи.

По мнению Г. П. Григорьева, люди в верхнем палеолите жили общинами, объединенными в племена, которым соответствуют выявляющиеся теперь локальные археологические культуры. Когда под племенами имеются в виду какие-то этнические (протоэтнические) общины, возражать не приходится. Однако, если мы правильно понимаем Г. П. Григорьева, — для него племя эпохи верхнего палеолита (и даже, может быть, более раннего времени) — это одновременно форма социальной организации², что уже вызывает некоторые сомнения. Очевидно, в зарождении и развитии племенной организации могут быть весьма значительные местные различия. С одной стороны, зачатки ее наблюдаются уже у австралийцев (у диери, и племен Юго-Востока), с другой — она отсутствует у папуасов, в большей части Меланезии, у большинства народов Сибири. Но, по-видимому, как социальная организация племя получает развитие только в период разложения первобытного общества. Локальные археологические культуры в верхнем палеолите — главный аргумент автора, можно объяснить и по-другому, например, культурными и/или брачными контактами.

В статье много внимания уделяется соотношению заимствования и внутреннего развития, правильно отмечаясь, что в ходе исторического развития имели место оба эти явления, что одно не исключает другое. Мы подчеркиваем этот момент потому, что если миграционизм и диффузионизм никогда не имели сколько-нибудь значительного распространения в советской науке, то рецидивы чрезмерного автохтонизма еще встречаются. Тем более странно выглядит конечный вывод автора: «вряд ли целесообразно выяснять преимущественную ценность элементов, возникших автохтонно, заимствованных и принесенных пришельцами». Рассуждать так, значит отказаться от попыток вскрыть механизм развития и его конкретно-исторические особенности. К чести Г. П. Григорьева надо отметить, что на практике он чаще поступает противоположным образом. Конечно, далеко не всегда удается выявить соотношение различных факторов, обуславливающих развитие. Но принципиально это всегда должно оставаться целью исследования.

Наконец, заслуживает самого серьезного внимания еще один вывод Г. П. Григорьева — о своеобразии развития европейско-переднеазиатского региона в верхнем палеолите, о том, что эта стадия культуры типична лишь для него одного. «Сейчас уже достаточно очевидным является тот факт, — пишет он, — что весь обитаемый мир 20 000—30 000 лет тому назад разделился на две большие области: Европа и Передняя Азия, где возник и развился верхний палеолит; Африка и Азия (кроме Передней), где продолжали развиваться культуры мустерского типа и лишь в последние три — четыре тысячелетия палеолита возникает культура верхнепалеолитического типа». Отсюда следует, что и социальное развитие европейско-переднеазиатского региона не могло не обладать своеобразными чертами, которые далеко не всегда учитываются и в попытках исторической реконструкции различных этапов первобытного прошлого человечества и в попытках установить социальную организацию населения Европы в каменном веке, используя данные по изучавшимся этнографией отсталым племенам и народам.

Приведем только один пример. В 30-х годах была выдвинута гипотеза о материнском роде, господствовавшем в Европе в верхнем палеолите³. Для ее обоснования был привлечен некоторый археологический материал. Правильно или неправильно он был интерпретирован — дело другое. Как и по отношению к самой гипотезе, здесь в настоящее время вряд ли возможен однозначный ответ. Но выводы, сделанные на европейском материале, были распространены на всю ойкумену, а это методологически уже совершенно неправильно, особенно если учесть всю специфику развития палеолитической Европы. Речь идет не только о различиях в технике производства каменных орудий, хотя и это важное различие. Социальная организация оседлых охотников на крупного зверя не могла не отличаться от социальной организации бродячих или полубродячих насельников Африки или Юго-Восточной Азии.

Можно пойти еще дальше. Общеизвестна специфика развития Европы в Новое время. Вполне допустимо предположить, что она уходит своими корнями в Древний мир, в эпоху античной рабовладельческой цивилизации, которая, как известно, отнюдь не являлась универсальным явлением. Теперь прослеживается еще одно звено той же цепи — своеобразие развития Европы в каменном веке. Похоже, недалек тот день, когда все звенья сомкнутся. В данном случае мы имеем в виду старую проблему соотношения общего и особенного, всемирно-универсального и локально-своеобразного и новые ее аспекты, выявляющиеся в свете последних открытий.

В статье З. А. Абрамовой «Палеолитическое искусство» много места, естественно, уделено женским статуэткам. По мнению исследовательницы, гипотеза П. П. Ефименко

² См. также: Г. П. Григорьев, Начало верхнего палеолита и происхождение Homo Sapiens, Л., 1968, стр. 148 и др.

³ П. П. Ефименко, Первобытное общество, Л., 1938, стр. 344.

о том, что они отражают культ женских предков и являются доказательством наличия материнско-родовой организации, остается непоколебленной, хотя и нуждается в известных дополнениях. Опять-таки не желая определять в краткой рецензии своего отношения к столь сложной проблеме, как место в истории материнско-родовой организации хотелось бы отметить, что в таком рассуждении смешиваются два различных, хотя связанных один с другим аспекта. Женские статуэтки едва ли могут быть отражением культа женских предков. Культ предков вообще явление позднее, свойственное эпохе разложения первобытного общества, а культ женских предков встречается лишь в крайне редкое исключение. На это уже давно и совершенно справедливо обращает внимание исследователей С. А. Токарев⁴.

Вызывает некоторые сомнения и утверждение о том, что женские статуэтки служат доказательством наличия материнского рода в верхнем палеолите. По мнению Г. Чайлда, они являются «ничуть не лучшим доказательством матриархата, чем фигуры Венеры или девы Марии в бесспорно патриархальных обществах»⁵. И в самом деле, причины, вызвавшие их появление, могли быть самыми различными и не обязательно связанными с линейностью счета родства.

Эпохе мезолита посвящена статья Н. О. Бедера. Пожалуй, в ней для историка первобытного общества наиболее интересны материалы и выводы о дроблении производственных коллективов, о том, что вместо коллективной охоты на крупных млекопитающих в эту эпоху на первый план выдвигается индивидуальная охота на мелкого зверя и птицу, о росте значения рыболовства и собирательства. Принято считать, что социальная организация мезолитических людей не претерпела существенных изменений по сравнению с верхнепалеолитическим временем. Применительно к Европе в этом можно усомниться. Пусть даже в рамках присваивающего хозяйства, но значительные изменения были и в экономике и в образе жизни, что должно было сказаться и на социальных институтах и учреждениях.

В соответствии с гораздо большим объемом имеющегося материала эпохе неолита в рецензируемом сборнике посвящено несколько статей, обобщающих памятники отдельных районов: В. М. Массона «Неолит Средней Азии», Т. С. Пассек и Е. К. Черныша «Неолит Северного Причерноморья», Н. Н. Гуриной «Неолит лесной и лесостепной зон европейской части СССР», О. Н. Бадера «Уральский неолит» и А. П. Окладникова «Неолит Сибири и Дальнего Востока». В статьях, посвященных южным районам СССР, наибольшее внимание, естественно, уделено неолитической революции и ее последствиям. Особенно интересна в этой связи статья о неолите Северного Причерноморья, до недавнего времени изученном сравнительно плохо. Очень любопытен и вытекающий из нее конечный вывод — в Северном Причерноморье уже с неолита отмечается тенденция к преобладанию скотоводства, — особенно примечательный, если мы вспомним, что именно этот район впоследствии более, чем на две с половиной тысячи лет стал притягательным местом для кочевников евразийских степей. Нельзя также не отметить синхронистическую таблицу неолитических культур лесной полосы СССР, составленную О. Н. Бадером, Н. Н. Гуриной и А. П. Окладниковым.

Для этногенеза различных народов, населяющих территорию СССР, особенно финно-угров, много дают статьи Н. Н. Гуриной, Н. О. Бадера и А. П. Окладникова. Далеко не во всем эти исследователи согласны между собой, но такова логика развития науки, которая идет вперед в условиях многообразия борющихся между собой точек зрения и обречена на застой, когда ей пытаются навязать принудительное единообразие. Ответственный редактор сборника А. А. Формозов правильно поступает, что специально обращает внимание во введении на расхождение мнений, очевидно, усматривая в этом совершенно естественную вещь.

Сборник завершает статья А. А. Формозова «Искусство эпохи мезолита и неолита», чрезвычайно интересная, как и все его исследования на эту тему. Мы полностью поддерживаем и приветствуем главный вывод автора — «не существует некоего первобытного искусства вообще. Речь должна идти об искусстве конкретных эпох и культур». Добавим, что это относится не только к искусству.

Прав автор и в другом. «В истории культуры с древнейших времен и до наших дней мы наблюдаем одновременно и конвергенцию, и заимствование. Нет никакой эклектики в признании большого значения и того, и другого явления». Нам лишь кажется, что пора переходить к конкретным исследованиям на эту тему. Любопытно, например, каким образом проникали к жителям Прионежья отголоски древнеегипетских мифов? Не претендуя на решение этого трудного вопроса, мы хотели бы только в предположительной форме обратить внимание на возможную связь между распространением солярных мифов и распространением в III—II тыс. до н. э. от Мальты до Скандинавии и Черноморского побережья Кавказа мегалитических сооружений и практики коллективных захоронений. Поскольку конвергентным развитием и стадийной близостью это явление объяснить невозможно, вполне вероятно

⁴ См. С. А. Токарев, К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита, «Сов. археология», 1961, № 2; е г о ж е, Ранние формы религии и их развитие, М., 1964, стр. 269, прим. 15 и др.

⁵ V. G. Child, Social Evolution, London, 1951, p. 65.

предположение, что оно также связано с импульсами, исходящими из Средиземноморья⁶.

Пора перейти к выводам. Сборник, безусловно, удался. Правда статьи его далеко не всегда согласованы друг с другом как по подходу, так и по стилю и оформлению. Но каждая по своему интересна и полезна не только для археолога, но и для этнографа и историка первобытного общества. В предисловии к изданию Б. А. Рыбаков пишет, что Институт археологии предполагает выпуск подобных же сборников, посвященных более поздним эпохам. Остается надеяться, что они будут написаны на столь же высоком уровне, как и первый.

А. М. Хазанов

⁶ R. J. Atkinson, Stonehenge, London, 1956, p. 154; N. K. Sandars. Bronze age cultures in France, Cambridge, 1957; G. E. Daniel, The megalith builders of Western Europe, London, 1958; V. G. Childe, The prehistory of European society, Harmondsworth, 1958, p. 128f; G. Clark, World prehistory—an outline, Cambridge, 1961, pp. 120, 137—140.

НАРОДЫ СССР

Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк, Л., 1969, 196 стр.

За последние 15—20 лет этнографическая литература обогатилась значительным количеством работ, посвященных этническому составу, этнической истории и этногенезу народов СССР, в том числе и тюркоязычных народов. Среди них видное место занимают исследования Л. П. Потапова, относящиеся к народам Саяно-Алтая.

Автор рассматриваемой работы не впервые обращается к вопросам происхождения алтайцев¹. Однако, если ранее он намечал лишь основные вехи их этногенеза, причем, наибольшее внимание уделял происхождению южных алтайцев, то в своей новой работе Л. П. Потапов с большой скрупулезностью исследует этническую историю алтайцев на всем ее протяжении — с половины первого тысячелетия нашей эры до нашего времени, стремится использовать все доступные источники для глубокого постижения этногенеза обеих групп алтайцев — южных и северных.

Примененная Л. П. Потаповым методика исследования заслуживает того, чтобы остановиться на ней особо. Суть своего метода автор формулирует следующим образом: «Отталкиваясь от хорошо изученного современного этнического состава алтайцев, мы постепенно удаляемся вглубь и, основываясь на свидетельствах различных источников, определяем ряд основных этнических компонентов различной исторической давности, которые сыграли решающую роль в происхождении современных алтайцев» (стр. 13).

Соответственно сказанному Л. П. Потапов и строит свое исследование. Оно состоит из введения и трех глав: «Этнический состав алтайцев в конце XIX и начале XX в.», «Ближайшие исторические предки алтайцев» и «Древние элементы в этническом составе алтайцев».

Сопоставление всей совокупности различных видов источников в рецензируемом исследовании принесло чрезвычайно плодотворные результаты. Так, например, анализируя письменные источники в свете устных преданий, Л. П. Потапов получил возможность отнести некоторых алтайских зайсанов XVIII в. к определенным сеокам и тем самым уточнить этнический состав южных алтайцев двести лет тому назад (стр. 141).

В ходе исследования Л. П. Потапов неоднократно восстанавливает правильное звучание искаженных в источниках этнонимов. Установив, что официальное название Кергежской волости первоначально звучало как Тиргежская, автор обращает на этот факт особое внимание, так как это название содержит в себе древнетюркский этноним тюржеш (стр. 49—50).

Тщательно изучив сеоки южных и северных алтайцев и относящиеся к ним этнографические данные, Л. П. Потапов пришел к совершенно правильному «убеждению не только о целесообразности, но просто о необходимости изучения этнического состава, происхождения и этнической истории алтайцев по отдельным сеокам — родам в той степени, в какой это представляется возможным в наше время, когда древние

¹ См. Л. П. Потапов, Очерк этногенеза южных алтайцев, «Сов. этнография», 1952, № 3; его же, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953, стр. 133—162; его же, Этноним теле и алтайцы. В сб.: «Тюркологический сборник к 60-летию А. Н. Кононова», М., 1966.